

хорошо – так тихо и лесом пахнет – я чувствую, что я необыкновенно добра и грустна – а ты, верно, смеешься, читая эти строки. Ну, прощай, или, гораздо лучше, до свиданья. Попроси Тхоржевского, если будут ко мне письма после тебя – присылать их на твое имя. Спроси у него, до какого месяца заплочен пансион за детей Besson – я буду ему сама посылать. Ну, будет. Ах, нет, постой, об Толст(ом) много буду говорить – местами он глубоко понимает жизнь, но я хотела только сказать вздор – подробностей об Тучков(ых) он не говорит, мог не знать, это ничего, но об Ив(ане) Алек(сеевиче) Яковлеве как-то нехорошо помянул, об письме к Алек(сандру) I, и говорит, что Алек(сандр) I не принял его. Разве это правда? Мне помнилось напротив⁴.

Окончательно прощай.

Так всякого дела много, что я не жалуюсь, даже порой время недостает, а все же хочется, чтоб ты был и чтоб его еще меньше хватало. – К тебе писем не было.

Иностранцы начинают приезжать.

¹Письмо послано из курортного городка Экс-ле-Бена (Франция, в 4 часах от Женевы), куда Герцен привез Нат.Ал. и Лизу из Ниццы 8 мая. Это второе письмо Нат.Ал. после отъезда 10 мая Герцена в Женеву. Первое, написанное 12-го – “в среду” – в ответ на письмо Герцена от 11 мая (XXX, 108–109), неизвестно.

²В ответном письме от 15 мая Герцен писал: “Я непременно приеду сам, и для того, чтоб все уладить здесь, останусь до *понедельника*” (Герцен приехал в Экс-ле-Бен за Нат.Ал. и Лизой 17 мая – XXX, 111, 114).

³Том V “Войны и мира”, вышедший из печати 16/4 марта.

⁴См. об этом эпизоде подробно в работе А.Г. Тартаковского “Переписка И.А. Яковлева с А.И. Михайловским-Данилевским” (кн. 1-я наст. тома).

КАРОЛИНЕ МИШЕЛЬ

Публикация М. Меро^{124*}

Каролина *Мишель* – француженка-гувернантка Н.А. Тучковой и ее старшей сестры Елены – “весьма образованная и начитанная особа”, “достойная личность”, по характеристике ее ученицы. Она провела в доме Тучковых восемь лет и была “не только наставницею, но и другом, и осталась им до конца своей жизни” (*Тучкова-Огарева*, 40).

В 1847–1848 гг. Мишель сопровождала Тучковых за границу и вместе с ними возвратилась в Россию. В начале 1860-х годов она обосновалась в Меце, в монастыре, носившем название Сиротский приют, или, точнее, *Приют сироток* (Maison des orphelines).

Наталья Алексеевна в юности страстно любила Мишель и навсегда сохранила эту привязанность. Герцен же и Огарев испытывали к ней обостренно недоброжелательное чувство. Имя Мишель нередко встречается в переписке Герцена, Огарева и их знакомых. Упоминания о ней читатель найдет и в письмах Тучковой-Огаревой, публикуемых выше.

Настоящее письмо написано было после совместного пребывания Натальи Алексеевны в Борнемуте с Герценом, Огаревым, Мейзенбуг и детьми Герцена летом 1864 г. Давний конфликт между нею и Мейзенбуг разгорелся тогда с новой силой. Из переписки Герцена можно получить представление о беспредельно накаленной атмосфере, которая установилась между членами его семьи, Тучковой-Огаревой и воспитательницей Ольги. “Ссоры (...) – писал он, – продолжают, как следует. Кроме Таты – виноваты все (...) Мальвида поочередно с Nat(alie) сходят с ума” (XXVII, 512, 514).

Откровенно недоброжелательные отзывы Тучковой-Огаревой о детях Герцена (особенно об Ольге) в публикуемом письме отчасти объясняются тем, что она нередко испытывала к ним почти враждебное чувство. Известно также, что в этих конфликтах Герцен почти постоянно принимал сторону своих детей, ревниво защищая их, и, по словам Натальи Алексеевны, эта ревность страшно мешала ее расположению к ним. Но и сам Герцен порою судил о своих детях чрезмерно сурово. В уже цитированном выше письме он отмечал, что, “кроме Таты, виноваты все”. Даже в самой Тате находил он жесткие стороны, оскорблявшие Мейзенбуг. Что касается Ольги, то Герцен не раз выражал сожаление о том, что она, “мало занимается” – впрочем, подобные упреки он нередко адресовал Саше и Тате.

^{124*} Перевел с французского Л.Р. Ланский.

К Ольге Тучкова-Огарева почти всегда относилась враждебно, и отношения между ними нередко бывали более чем натянутыми. Шалости Ольги, чаще всего остававшиеся безнаказанными, вызывали у нее отвращение; она постоянно опасалась, как бы Ольга не нанесла ее дочери Лизе какого-нибудь увечья. То и дело говорит она о “злых проделках” Ольги со своей собакой и с маленькой Лелей. По словам Натальи Алексеевны, Ольга своего отца, т.е. Герцена, совсем не любила. Как бы то ни было, но в своем “Бедламе...” Огарев, без сомнения, точно воссоздал картинку их семейного быта; Ольга изображена там надоедливой капризницей. Что же касается Саши и Таты, то суждения о них Тучковой-Огаревой хоть и далеко не доброжелательные, все же заключают в себе целую гамму оттенков. В “Исповеди” она пишет даже, что Саша всегда был с нею очень мил и что после того как секрет ее отношений с Герценом был открыт ему “старушкой Фогт”, Саша написал Герцену и Огареву весьма трогательное письмо. Однако Огарев в “Бедламе...” показывает нам Сашу, способного не только поддразнивать мачеху, но и оскорблять ее.

О старшей дочери Герцена Тате Наталья Алексеевна почти всегда отзывалась лучше, чем о других. Она ей ближе остальных его детей. Позже она заявит, что любила ее, как дочь (АО, 283–284). После смерти Герцена все они некоторое время будут жить вместе. Кое-какие контакты с Татой она сохранит и после возвращения в Россию (см. ниже в этом же разделе письмо Н.А. Герцен о своих последних встречах со старой мачехой в 1911 г.).

Письмо печатается впервые по автографу JJSg.

Перевод с французского:

(Лондон) (28 октября 1864 г.) Tunstall House. Warwick Road. Maida Hill¹.

Милый друг, посылайте мне письма, если напишете их до седьмого числа – с отъездом я по разным причинам задержалась²...

У меня была мисс Турнер-старшая; она сказала мне, что ее сестра написала ей, будто ноги у Таты³ так распухают, что пришлось вызвать врача, – это тревожит меня; быть может, у вас есть более обстоятельные сведения?..

Вот уж три дня как м-ль Мейзенбург уехала с Татой и Ольгой – и в доме тотчас же установилось спокойствие, но эти четыре месяца вогнали меня в самое удрученное состояние, и я постоянно испытываю очень сильное желание жить одной с детьми – мое положение исключительно трудно; без сомнения, я никогда не разлучу ни Огарева с Герценом, ни Герцена с его детьми, но жить вместе с последними – сущая мука; бесспорно, что Тата – лучшая из них, но ее эгоизм так силен, что поневоле вас отталкивает; что же до Алекс(андра), то это самый необязательный и самый неприятный для (совместной) жизни человек – даже услуги собственному отцу он оказывает с ужасающей неучтивостью; Ольга же – наихудший пример, который можно было бы найти для других детей – лживая, бесцеремонная, наглая, драчливая, ленивая, вечно праздная, непослушная и т.п. Но, пожалуй, хватит об этом.

Прощайте, милый друг, я кончаю, Мари отправилась за Лизой, оставшейся у знакомых, а Леля спит, тяжело дышит и плачет во сне – этого достаточно, чтоб ужаснуть меня.

Прощайте, от всей души целую вас.

Всей душою ваша

Н а т а л и

Если что-нибудь случится, я напишу вам насчет ваших двух м(алю)ток⁴, и поверьте, что я о них постоянно думаю.

¹ Адрес, указанный на этом письме, дает возможность определить, что оно написано было в октябре–ноябре 1864 г. Отъезд Мейзенбург с Татой и Ольгой из Лондона, о котором упоминает Нат.Ал., по-видимому, состоялся 25 октября (см. XXVII, 515). Письмо Нат.Ал., написанное тремя днями позже, надо условно датировать 28 октября.

² Известно, что Нат.Ал. отправилась в Париж с Лизой и обоими близнецами 11 ноября (см. XXXVII, 520). Она собиралась заехать в Канн.

³ Тата Сатина – четырнадцатилетняя племянница Нат.Ал., дочь ее сестры Елены.

⁴ Вероятно, сиротки, которых Мишель просила где-нибудь пристроить.